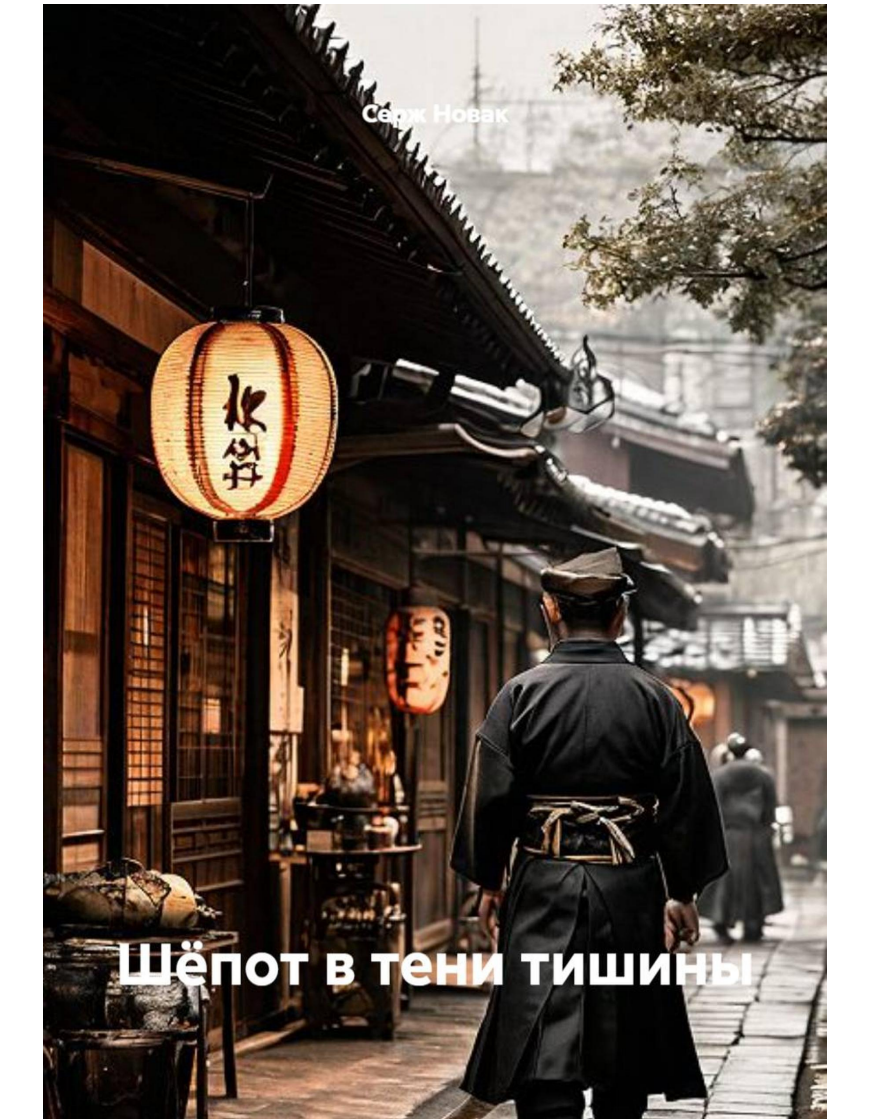

A photograph of a person in a dark Japanese kimono walking away from the camera down a traditional street. The street is lined with wooden buildings and lanterns. A large, glowing paper lantern hangs from the left, featuring the Japanese characters '北条' (Hijiri). The scene is set in a historical or traditional Japanese environment, with a tiled roof and a stone path. The overall atmosphere is quiet and contemplative.

Серг Новак

Шёпот в тени тишины

Серж Новак

Шёпот в тени тишины

<https://litres.ru/74329093>

SelfPub; 2026

Аннотация

Токио, 1936 год. В воздухе пахнет грядущей войной, а на улицах района Асакуса властвует военная полиция. В чайном доме «Ваби-саби» молодой мастер Рё пытается найти покой за очагом. Его тело предаёт его каждую секунду: из-за синдрома Туретта он выкрикивает слова и бьется в спазмах, разрушая гармонию чайного ритуала. Единственные, кто верит в него, — старый наставник и дочь хозяина Мэй.

Но когда в чайном домике назначают тайную встречу дипломатов, Рё случайно подслушивает разговор заговорщиков. Его соперник, старший ученик Кэнъити, готов спровоцировать войну и подставить Рё, списав всё на его «безумие».

Чтобы спасти страну и любимую женщину, Рё придется сделать невозможное: превратить то, что считалось его главным проклятием, в смертоносную шпионскую маскировку. Ведь иногда именно сквозь трещины в сосуде внутрь проникает настоящий свет.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Серж Новак

Шёпот в тени тишины

Глава

ШЁПОТ В ТЕНИ ТИШИНЫ

«Наше несовершенство — это лишь трещина в сосуде, через которую внутрь проникает свет». ЧАСТЬ I. ТЕНЬ НАД АСАКУСОЙ

Глава 1. Симфония движения и сбоя

Осень 1936 года в Токио выдалась сырой и тревожной. На улицах традиционного развлекательного района Асакуса громкие зазывалы у театров Кабуки всё чаще уступали место суровым патрульным в тёмно-зелёной военной форме. Газеты писали о «необходимости навести порядок в Империи», а в воздухе пахло не столько жареными каштанами, сколько грядущими переменами. Но стоит лишь переступить порог чайного дома «Ваби-саби», как шум большого города мгновенно растворялся. Здесь пахло сухим бамбуком, древесным углём и терпким, глубоким ароматом свежемолотого чая матча. Рё сидел на коленях перед очагом ро, вмонтированным в пол. Сам он напоминал старое бамбуковое дерево — на вид гибкий и скромный, но с невероятным внутренним стержнем. На его округлом, мягком лице с широкими ску-

лами застыло выражение глубокого покоя. Потертое, но безупречно чистое тёмно-синее кимоно сидело на нем свободно, не сковывая движений. В руках Рё держал тясэн — бамбуковый венчик. Вне приступов движения его длинных рук с мозолями от работы в саду поражали удивительной плавностью. Перед ним сидели три гостя: пожилой каллиграф, его ученик и незнакомец в строгом европейском костюме, который постоянно оглядывался на вход. Для Рё чайная церемония всегда была спасением. Когда он брал в руки утварь, его тёмно-янтарные глаза — лучистые, 1 бесконечно добрые и умеющие видеть самую суть человека — наливались глубоким светом. Взбивай чай по часовой стрелке, плавно, словно рисуешь волну... — повторял он про себя правило старого мастера. И вдруг это произошло. Внутренняя пружина в груди сжалась. Напряжение на затылке вырвалось наружу быстрее, чем Рё успел его подавить. Правое веко резко поддёргнулось, уголок губ потянулся в сторону, а на лбу прорезалась глубокая морщина отчаянной внутренней борьбы. Из горла вырвался громкий, резкий звук: — У-ху! В его глазах на секунду вспыхнула мольба простить его за эту «неуклюжесть». Гости вздрогнули. Незнакомец в пальто нервно рукавом зацепил свой блокнот, а молодой ученик каллиграфа насупился, с опаской глядя на мастера. Но не успела в комнате повиснуть тяжелая паника, как бамбуковая ширма сёдзи мягко отодвинулась. На татами ступила Мэй — живое воплощение весеннего утра. Изящная, с тонкой шеей и гладкими тёмны-

ми волосами, собранными в чуть небрежный пучок, она принесла с собой настоящую вспышку жизни. На её щеках играл естественный румянец, а в миндалевидных глазах задорно плясали искорки. В руках Мэй держала поднос с традиционными сладостями вагаси. — Простите, уважаемые гости, — легко, словно продолжая мелодию, произнесла Мэй. Уголки её губ приподнялись в открытой, искренней улыбке. — Горный дух Асакусы сегодня очень нетерпелив. Он всегда подаёт голос, когда вода в чайнике закипает до идеальной температуры. Рё-сан просто переводит его слова. Мэй слегка сморщила носик и подмигнула Рё. В её взгляде, обращённом к нему, не было ни грамма жалости — только 2 мягкость, восхищение и бесконечное доверие. Незнакомец в пальто удивленно моргнул, а пожилой каллиграф вдруг мягко улыбнулся: — Поэтично. В Токио осталось мало мастеров, слушающих духов. Спазм спал. Вокруг глаз Рё собрались лучики мелких, искренних морщинок. Смущенно и тепло улыбнувшись, он продолжал взбивать густую зелёную пену. За всем этим из тени коридора наблюдал Кэнъити. Он был похож на идеально заточенный, но холодный клинок катаны. Узкое, бледное лицо с резкими чертами, тонкий хищный нос и безупречно уложенные волосы. Его шелковое кимоно выглядело так дорого, будто на нем не могло быть ни единой складки. Когда гости ушли и Мэй проводила их, Кэнъити шагнул из тени. Его узкие, темные глаза-щели исказились неприязнью, а бескровные ниточки губ изогнулись в снисходитель-

ной, ядовитой ухмылке. — Ты снова устроил цирк, — тихо сказал Кэнъити. Под кожей его сжатых челюстей отчетливо перекачивались желваки. — «Горный дух»? Мэй приходится придумывать глупости, чтобы спасти твою репутацию. — Гости ушли недовольными, Кэнъити? — не поднимая глаз, спросил Рё, продолжая протирать керамику. — Гости ушли в замешательстве! — Кэнъити наклонился ближе, от него веяло холодной агрессией. — В стране война на пороге. Кемп-этай забирает людей прямо с улиц за «подозрительное поведение». А ты лаешь и ухаешь над чашкой министра! Если отец Мэй передаст чайный дом тебе из жалости к твоей калечной природе... я не позволю тебе разрушить «Ваби-саби». — Я не прошу жалости, — Рё поднял взгляд, и его янтарные глаза встретили ледяной взор Кэнъити. — Чайная церемония 3 — это Итиго итиэ. Принятие момента таким, какой он есть. Со всеми его несовершенствами. Уголок рта Кэнъити дернулся в презрительном оскале: — Красивые слова. Но завтра сюда придут люди, для которых «несовершенство» означает измену Императору. Посмотрим, как твои «духи» спасут тебя тогда. Кэнъити развернулся, и его деревянные сандалии гета сухо застучали по настилу. Рё остался один. За окном накрапывал дождь, а в глубокой тени сада зашумели бамбуковые стебли, словно предупреждая о надвигающейся буре.

Глава 2. Шёпот за бумажной ширмой

Дождь, начавшийся накануне, к утру превратился в липкий, сырой туман, окутавший улицы Токио. В Асакусе из-за влажности пахло мокрым асфальтом, копотью угольных печей и палёным маслом из уличных лавок с темпурой. В чайном доме «Ваби-саби» царил полумрак. Но этот день отличался от других. Обычно спокойный хозяин дома — старый мастер Ито, отец Мэй — нервно перебирал чётки у входа, то и дело поправляя воротник. В воздухе висело осязаемое напряжение, от которого у Рё с самого утра чесались ладони, а в затылке пульсировала знакомая тупая боль. — Рё, сынок, поднеси угли в дальнюю комнату таясицу, — тихо попросил хозяин. Его голос дрожал. — Сегодня у нас особые гости. Закрытая встреча. Никакого шума. Никаких... лишних звуков. Рё молча кивнул. Его мягкое, округлое лицо выражало понимание, а в тёмно-янтарных глазах читалось сочувствие к старику. Он знал, как тяжела сейчас жизнь владельцев частных заведений. Военная полиция Кемпэтай могла прийти с обыском в любой момент, объявив «неблагонадежным» каждого, кто не кричал патриотические лозунги на каждом углу. 4 Сложив угли в глиняный горшок, Рё бесшумно пошел по деревянному настилу. Проходя мимо садовой ширмы, он увидел Мэй. Она сидела на корточках возле небольшого пруда с карпами и пыталась поймать руками упавший в воду алый лист клёна. Её миндалевидные глаза блестели от утренней свежести, а на щеках играл здоровый, ярко-розовый румянец. Заметив Рё, Мэй мгновенно преоб-

разилась: её тонкие губы расплылись в той самой искренней, светлой улыбке. — Рё-сан! — шепотом окликнула она его, задорно сморщив носик и отряхивая мокрые пальцы. — Посмотри на этих карпов. Им совершенно всё равно, кто сегодня правит в Токио — военные или чиновники. Они просто ждут свою порцию хлебных крошек. Нам стоит у них поучиться! Рё остановился. Внутреннее напряжение мгновенно отступило, уступая место теплу. Он хотел ответить, но правое плечо резко дернулось вверх, а из груди вырвалось короткое, тихое: — Квак! Мэй не дрогнула и не отвернулась. Она лишь тихо, прикрыв рот ладошкой, засмеялась, и в её глазах вспыхнули веселые искорки: — Вот видите! Даже лягушки в саду с вами согласны! Затем её лицо стало серьезным, а взгляд — бесконечно мягким. Мэй шагнула ближе и достала из рукава кимоно небольшой предмет, завернутый в рисовую бумагу. — Возьми, — прошептала она, вкладывая сверток в его широкую ладонь. — Я сама вырезала его вчера вечером. Из старого горного бамбука. Рё развернул бумагу. Внутри лежал тясэн — венчик для взбивания чая. Но он был необычным: его рукоятка была идеально подогнана под пальцы Рё, со специальными выемками, чтобы кисть не соскальзывала, если во время церемонии случится спазм. 5 — Мэй... — прошептал Рё, и вокруг его глаз собрались трогательные, искренние морщинки. — Это... потрясающе. Спасибо. — Твои руки создают магию, Рё, — тихо сказала Мэй, накрыв его мозолистую ладонь своей тонкой, теплой рукой.

— Не слушай Кэнъити. Твое сердце чище, чем у кого-либо в этом городе. Они не знали, что в этот момент за ними из полутьмы коридора наблюдал Кэнъити. Его бледное, хищное лицо казалось маской, высеченной из льда. Узкие глаза-щели сузились настолько, что превратились в две темные нити, полные яда. Когда он увидел, как Мэй касается руки Рё, челюсти Кэнъити сжались с такой силой, что на его породистых скулах отчётливо заходили ходуном желваки. Рука Кэнъити в широком шелковом рукаве судорожно сжала рукоять скрытого за поясом ножа. «Калека...» — прошипел он про себя. — «Ты забрал её внимание. Но завтра ты потеряешь всё». Спустя час в «Ваби-саби» прибыли гости. Это были четыре человека. Трое из них — пожилые чиновники в европейских сюртуках, включая замминистра иностранных дел господина Таканаку, выступавшего за сохранение мира с США и Великобританией. Четвертым был человек в военном френче без погон — связной из штаба. Они расположились в самой дальней комнате, за толстыми ширмами. Кэнъити лично подавал им базовый чай, демонстрируя безупречные, манекенно-идеальные движения. Но его мимика оставалась мертвой — лишь уголок тонких губ иногда поддрагивал в снисходительной ухмылке, когда он кланялся дипломатам. Рё, находившийся в соседнем техническом помещении, раздувал угли. Слух Рё, обостренный болезнью, улавливал то, на что обычный человек не обратил бы внимания. Сквозь легкий шелест закипающей воды в чайнике Рё услышал 6

странный звук за ширмой — сухой, металлический щелчок. Так щелкает крышка секретного портсигара или... механизм портативного шифровального блокнота. — Кемпэйтай уже знает о маршруте поезда? — донесся глухой, низкий шепот человека во френче. — Да, — отозвался холодный, узнаваемый голос Кэнъити. Рё замер. Кэнъити? Почему он говорит с ними об этом? — Офицеры фракции Кодоха будут готовы. Взрывчатка в туннеле около Яманаси уже проверена. Но главное — избавиться от замминистра здесь. Подозрения не должны пасть на армию. Все скажут, что это был несчастный случай... — А чайный мастер? — спросил связной. — У нас есть идеальный козёл отпущения, — с ядовитой ухмылкой в голосе ответил Кэнъити. — Один псих с дергающимся лицом. Вся Асакуса знает, что у него приступы. В хаосе никто ничего не поймет. У Рё перехватило дыхание. Его друг... человек, с которым они вместе росли и учили философию чая, готов зарезать невинного человека и подставить его, Рё! И всё это — ради союза с радикалами, чтобы получить власть и сам чайный дом вместе с Мэй. От ужаса предательства тело Рё отозвалось мгновенным, диким спазмом. Его мышцы скрутило, голова резко дернулась назад, а из горла вырвался громкий, звонкий выкрик: — ПРЕДАТЕЛЬ! Звук разрезал тишину чайного дома подобно удару колокола. За ширмой все мгновенно замолкли. Слышно было, как Кэнъити резко встал, и его сандалии скрипнули по татами. — Кто там?! — гаркнул офицер. Рё, тяжело дыша и сжимая в дрожащей ру-

ке бамбуковый венчик, подаренный Мэй, отступил в тень. Он понял: заговор 7 уже запущен. Завтрашний день станет либо днем его гибели, либо началом смертельного противостояния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.